

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ЖАН-ПОЛЬ
ДЮБУА

НАСЛЕДИЕ

Москва
2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Д95

Jean-Paul Dubois
LA SUCCESSION

© Editions de l'Olivier, 2016

Перевод с французского
Елены Брагинской

Художественное оформление
Андрея Старикова

Дюбуа, Жан-Поль.
Д95 Наследие / Жан-Поль Дюбуа ; [пер. с фр.
Е. О. Брагинской]. — Москва : Эксмо, 2019. —
288 с.— (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-04-100058-5

Француз Поль Катракилис уже несколько лет живет в Майами. Он как никогда счастлив: знакомится с новыми людьми, играет профессионально в редкий вид спорта, наслаждается солнцем. Когда ему сообщают из консульства, что его отец покончил с собой, Полю не остается ничего, кроме как поехать домой, чтобы вернуться к прошлому своей семьи. Вернуться к темным уголкам собственной памяти, от которых он напрасно пытался бежать.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-100058-5

© Брагинская Е., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление, ООО Издательство
«Эксмо», 2019

*Посвящается Цубаки, Артуру
и Луи, Сесили и Нежной Элен.*

Приятно, что я стою перед вами.
И особенно приятно, что я вообще
стою.

Джордж Бест

Каждый день — счастье

Это было замечательное время. Четыре волшебных года я стремительно обучался счастью и усердно в нем практиковался. Мне понадобилось подождать двадцать восемь лет, чтобы наконец начать ежедневно испытывать радость, просыпаясь по утрам, совершая пробежку — наладить дыхание, да и просто дышать легко и свободно, плавать без страха, ничего не ожидать от грядущего дня, лишь бы он длился, сопровождал меня, как тень, и оставлял по вечерам в благодушной тишине, в удовлетворенном, оглуляющем покое и гармонии, вдали от территории неестественности и надлома, которую я покинул, и особенно подальше от тех, кто произвел меня на свет, вскормил, воспитал, дал образование, расшатал мою психику и, безо всякого сомнения, передал мне худшие из генов, слил отбросы своих хромосом.

По поводу последнего — я-то уж знаю, о чем говорю.

Таким образом, с середины ноября 1983 года до двадцатого декабря 1987 года я был совер-

шенно счастливым человеком, щедро одаренным судьбой, живущим скромно, но достойно на заработок от единственной профессии, о которой я мечтал с детства: игры в баскскую пелоту.

Во Флориде, и особенно в центре «Джай-Алай» в Майами, я входил в узкий круг пелотари-профессионалов, кому каждый год платили за то, что они танцуют у стен, рассекают воздух ракеткой-ловушкой, которая называется *cesta punta* — «острая корзинка», дубасят обтянутые козлиной кожей жесткие мячи, и те влетают со скоростью триста километров в час в самую большую стену в мире из числа подобных. Фронтон «Джай-Алай» — это Ватикан пелоты, населенный сотней пап с ивовыми плетенками вместо рук; над их головами, едва не задевая, проносятся самолеты из аэропорта Майами, к ним заходят лучшие люди города, сливки местного общества, которое, надо признаться, никогда не было здесь слишком придирчиво при формировании своей аристократии.

Чтобы просто заниматься на этой площадке с тремя стенами, окрашенными в глубокий си-не-зеленый цвет океанской волны, омывающей Страну Басков, чтобы играть в таком ритме, достичь такого уровня мастерства да просто принимать участие во всем этом священнодействии, я в былые времена отдал бы целое состояние. Однако же, наоборот, теперь мне платят по контракту раз в год за то, что я бомбардирую мячами эти самые стены и заставляю вопить от радо-

сти десять-пятнадцать тысяч зрителей, которые сделали ставку — здесь это называется *quinaela* — на меня и не передумали в следующую секунду, выбрав другого игрока. Для этой толпы зрителей я был только поводом для пари, породистым псом на собачьей выставке, фаворитом на скачках. Но я соглашался на такие условия. Ведь я никогда не играл для них, я играл для себя. Как и тогда, в детстве, играл тот замкнутый, аутичный ребенок, отрезанный от мира, с ивовой плетенкой *cesta punta*, вновь и вновь долбящий в стенки, — на площадках Андая, Сен-Жан-де-Луз и Итсассу.

И потом — если учесть, откуда я явился, даже этот скромный статус рысака, испражняющегося долларовыми бумажками, меня вообще вполне устраивал. Все детство я провел в трудах, изучая бесполезные и бессмысленные вещи под неярким присмотром странной семейки, состоящей из четырех совершенно загадочных, своеобразных и даже в чем-то ужасающих личностей.

Дедушка мой, Спиридон Катракилис, помимо прочих свершений, которыми похвалялся, утверждал, что был одним из личных врачей Сталина и что у него хранится тонкий ломтик мозга вождя, похищенный во время вскрытия, якобы сделанного лично через несколько дней после кровоизлияния в мозг, поразившего Виссарионовича Джугашвили. Дед покончил с собой в 1974 году при довольно странных обстоятельствах.

Мой отец, Адриан Катракилис, тоже врач, отличался менее экзотическими особенностями, но и у него были некоторые, мягко говоря, тревожащие странности. Часто он произносил совершенно непонятные вещи, без всяких на то причин вдруг во все горло выкрикивал «strofinaccio» — по-итальянски это означает «тряпочки, ветошь» — и имел привычку с наступлением первых же теплых дней принимать пациентов в шортах. Эта эксцентричность не развилась в нем с возрастом: было известно, что еще в студенческие годы, дежуря по ночам в больнице, он принимал пациентов в трусах.

Анна Гальени, моя мать, как бы и не замечала странностей мужа, да вообще ее это вовсе не волновало. Ее внимание целиком было отдано младшему брату Жюлю, на пару с которым она владела перешедшим по наследству небольшим магазинчиком по продаже и починке всевозможных часов. На пару с братом она жила в нашем большом доме. На пару с братом смотрела телевизор, сидя на диване в гостиной. Каждый вечер Жюль засыпал, уронив голову на плечо сестры. Он всегда был подле Анны, она всегда была рядом с Жюлем.

Дядя свел счеты с жизнью весной 1981 года. Мать последовала за ним в начале лета, обставив смерть довольно необычными декорациями. Отец был озадачен, хотя внешне было незаметно, что его все это как-то взволновало.

Так я и рос, бок о бок со Спиридоном, лелеющим дольку мозга в формалине, папой в ко-

ротких штанишках, холостяком при живой жене, и мамой, практически супругой собственного брата, обожающего прикорнуть возле сестрицы под завывания телевизора. Я не понимал, что тут делаю среди всех этих людей, да и они, очевидно, тоже.

Конечно, самоубийства внесут немного ясности во всю эту путаницу связей и необъяснимых поступков моих родственников, неспособных любить и быть любимыми, не умеющих дать ребенку хотя бы иллюзию доверия и счастья. Самое странное: в наш дом столько раз заявлялась смерть, но оставшиеся в живых этого, казалось, не замечали, обращая на нее внимания не больше, чем на приходящую домработницу.

Меня зовут Поль Катракилис, и я дипломированный врач. Но я ни дня не работал по специальности. Я снимаю квартиру на Хайвлиа Драйв, владею старой машиной с ажурным полом и столь же дырявым катером с дизельным двигателем «Volvo», которому регулярно доверяю свою судьбу. Он припаркован у причала на юге города, там нет ни воды, ни электричества. Я люблю только одну вещь на свете — баскскую пелоту, хоть и родился в Тулузе. В этом городе делают чуть ли не все самолеты в мире, и тем не менее большинство пелотари считают, что это один из пригородов Байонны или Герники. И когда филиппинец или аргентинец спрашивает, есть ли у меня на родине большой фронтон «Джай-Алай», я могу ответить: нет, только свободный фронтон, где не делают ставок.

Зимой в Майами разгар сезона. Американцы с Великих Озер и с бескрайних равнин, как и промерзшие насквозь канадцы, с незапамятных времен верят в вечное лето во Флориде. Вооружившись молитвенниками и их непоколебимой верой в метеорологию, они заполняют отели, бары и рестораны — кубинские, еврейские, аргентинские, забиваются в казино, которые держат индейцы-семинолы, в стриптиз-клубы, где с самого сотворения мира каждый вечер справляют Рождество.

Девятнадцатого декабря 1987 года мы сыграли матч утром, а вечером в «Джай-Алай» собралась целая толпа народу, которая множила и множила свои *quinielas* до часу ночи. Иногда толпа ревела, как мотор самолета на взлете, иногда глухо, низко рычала, как работающий завод. И этот завод производил деньги и всякие разные вещи, которые могут наполнить мир, но при этом их нельзя ни показать, ни описать. Еще этот завод производил истории и легенды, слухи и преступления. В течение ряда лет несколько директоров «Джай-Алай» расстались с жизнью при различных обстоятельствах: видимо, их как-то чересчур донимала мафия. Первый был убит выстрелом в голову на собственной площадке для гольфа; второго заботливо порезали на кусочки, чтобы он мог поместиться в чемодан на заднем сиденье автомобиля; что касается третьего, его так и не нашли, возможно, он теперь составляет часть несущей конструкции од-

ного из многоэтажных зданий, которые растут, как грибы, на плодородных песках океанских побережий.

На улице, за пределами Фронтонна, ночь пахла, как самая настоящая ночь. Южная ночь, приглаженная и приправленная городом, возбуждающая и неряшливая, пропитанная запахами жареной курицы, фудтраков и самолетного керосина 747 — специфический обонятельный коктейль, характерный для этого места, далекого от знаменитых мангровых рош. Этот аромат распространялся незаметно и неудержимо, как туман, едва наступал вечер.

Я выиграл несколько очков в защите и оказался обладателем шестидесяти призовых долларов. Сумма сама по себе вовсе не выдающаяся, но к концу месяца мне иногда удавалось удвоить мою зарплату в 1800 долларов. Настоящие звезды получали порой от восьми до десяти тысяч долларов в месяц. Те, что поднимали с места толпы и взвинчивали ставки. А мы были на подхвате, простые честные труженики этого предприятия, рабочий класс забавного мирка, мы каждый день отправлялись на работу, надев на голову шахтерскую цветную каску и взяв с собой странный рабочий инструмент, душой которого был каштан с серпиком убывающей луны, а телом — золотистое оружие, оплетенное ивой.

За три года я купил две машины и две из них продал. Старушку «Меркури Маркиз», которая неистребимо воняла рыбой и встречалась в природе только в старых мексиканских сериалах.

«Джип-вагонер» 1964 года с пластиковым покрытием под орех на нижней части дверей и багажнике. На скудную выручку от продажи этих транспортных средств я приобрел спортивный «Фольксваген Карманн» 1961 года выпуска, пол которого был изъеден ржавчиной, потихоньку подбирающейся к крыльям и подфарникам.

Этой ночью мы отправились ужинать с Джои Эпифанио, моим последним партнером по игре. Я обожал этого спортсмена, кубинца по происхождению. У него было невероятно подходящее прозвище — «Нервиозо». Действительно, трудно было представить себе более неугомонное и непоседливое существо. Я практически могу поручиться, что ни разу в жизни не видел его в статичном состоянии. Даже в раздевалке он исхитрялся ходить взад-вперед, переминаться с ноги на ногу, вертеть что-то в руках, постукивать ногой, висеть на двери и футболить по помещению пустой пластиковый стаканчик до того состояния, пока станет уже нечего пинать. Энергии в нем было просто невероятное количество. Он был как такой кролик-энерджайзер из рекламы про батарейки, которые он без колебаний перезаряжал с помощью пары кокаиновых дорожек, как только этого требовала ситуация. Эпифанио был отличный пелотари, мощный нападающий в честной игре, спал он мало, а действовал очень активно и, по его собственному выражению, все свободное время тратил на то, чтобы «quimbar y singlar» — оба этих слова на кубинском варианте испанского означали «совокупляться».

В машине, пока мы ехали туда, где находилась круглосуточная cantina, то есть забегаловка, Эпифанио рассматривал сквозь дыры в проржавевшем полу мелькавшую под ногами дорогу. Его завораживал этот головокружительный бегущий ковер, шелестевший и скользивший под нами. Чувствовалось, что он желал, чтобы вообще все в этой жизни двигалось так же быстро, в унисон с ним, тогда бы он ощущал, что попадает с миром в ритм.

За обедом, быстро поглощая куриную печень на гриле и черную фасоль, он объяснял мне, обвивая лодыжками ножки стула, что не очень-то он любит разгар сезона, зиму то бишь. Он говорил, что город этот создан для лета, когда дождь льет как из ведра, когда грозы раскалывают море и небо, проносясь над домами, когда ураганы жонглируют огненными шарами, сносят крыши домов, вырывают из стен панели сигнализации и сводят всех с ума. Он любил звук сирен полицейской машины, летящей на место происшествия, завывания «Скорой помощи», заглушаемые порывами ветра, эту ярость природы, которую надо было пережить любой ценой. Эпифанио рассказывал мне, что в такие моменты он шел в самый хаос, в эпицентр циклона. Выходил из дома и шагал навстречу буре, встречал ее лицом к лицу, его словно нес собственный внутренний тайфун, он подогревался выпитым по случаю стаканчиком-другим и так шел и шел, вперед и только вперед, чего бы ему это ни стоило, как тяжело бы ни давался каж-